Анна Горгос

Куда ведёт тропа

Рассказ

***

После утренних процедур Лида легла на кровать и прикрыла глаза. До завтрака оставалось время, и она хотела еще немного вздремнуть. Старое воспоминание всплыло из запечатанных закоулков памяти и стало ее обволакивать, словно мягкое одеяло, словно теплый, сладкий сон. Оно завораживало и не хотело отпускать…

Как много воды с тех пор утекло! Как много страничек календаря пришлось бы оторвать и разбросать по ветру, словно невесомые листья! А потом смотреть, как кружатся и раскладываются перед ней вихри прожитых лет, как пестрят в неуловимом круговороте дни. То один, то другой вдруг полыхнёт ярким светом в трепетном сознании и опять исчезнет несуразным обрывком. Она могла рассматривать их подолгу, хоть каждый по отдельности, хоть одним большим скопом, но только те, которые хранила память.

***

Занималось такое же раннее утро, а может быть ещё более раннее. Но только тогда оно было не таким вялым и безвольным, как теперь. Утро тогда пахло сеном и свежей землёй. Оно было игристое, зажигательное, оно звало и манило куда-то в светлое

будущее... В мутном чутком небе уже проступали розовые облака, и воздух был сырым от упавшей росы. Она дремала на дне телеги, лёжа вниз лицом на сене. Ехали в поле на работу: Лида, старшая сводная сестра Тоня и Тонин противный жених Гришка. Ещё очень хотелось спать. Телега тряслась на колдобинах, и она подложила руки под голову, чтобы было помягче. Только как тут уснёшь? Эти двое просто покатывались со смеху, и какое-то время Лида не могла понять, в чём дело.

- Лидка! – крикнул, наконец, Гришка, - Да ты что, не видела, что ли? У тебя ведь на заднице окно!

- Окно на заднице! – подтвердила Тоня, безудержно смеясь и указывая на неё пальцем.

- Да как же ты додумалась так ловко дырку залатать? Ну, мастерица!

- Окно на заднице! – снова повторила сестра, и тут до Лиды дошло!..

Домой с поля она всегда приходила пешком сама, обычно в субботу. В тёмном доме уже все спали: дети вповалку на лежанке, укрывшись разным тряпьем, мачеха и отчим - в комнате на кровати. Кровать отчим сделал сам. Это была деревянная рама, в которую накидывали солому, а наверх стелили рядно. Лида мыла себе голову, расчесывала волосы специальным густым гребешком против вшей, а потом садилась латать себе одежду.

У неё была старая коричнева юбка, вся в дырках. Ткань так сильно прохудилась, что уже держалась на ниточках. Но она продолжала её зашивать и латать, потому что другой не было, а для работы сойдёт и такая. Латки она обычно делала круглые, аккуратные, как её научила бабушка Полина. Не всегда удавалось подобрать их по цвету, ну да ладно! В тот раз ей даже не

терпелось поскорее начать работу, потому что залатать она её хотела совсем по-другому.

В посёлок тогда приехала новая семья с тремя детьми. Все дети были ухоженными, чистенькими, а латки на их одежде - только квадратные или прямоугольные. Они смотрелись лучше, добротнее, и Лида захотела сделать такие же. Так она себе и нашила две прямоугольные латки рядом друг с другом, которые, по дурацкой случайности, оказались похожими на окно и красовались на самой заднице…

***

Рассыпчатый смех сестры и раскатисто-грубый - её жениха ещё раздавались назойливым звоном у неё в ушах, когда пришла медсестра. Точно, как по команде, в половину восьмого она пригласила её к завтраку. Лида поправила остатки седых волос и спрятала их под цветастый платок. Потом с трудом поднялась и схватилась руками за поданный роллатор. Стараясь удерживать равновесие, осторожными шагами, пошла по устланному серо-зелёным ковром коридору.

Сегодня, как раз в четверг, исполнилось три недели с тех пор, как она переехала сюда, но вот… всё никак не могла привыкнуть. Пока ещё жила сама, думала так. Всё лучше, чем сидеть одной целый день, ждать, пока кто-то зайдёт. И то ведь, голова закружится, и она упадёт еще где-то, и другое может случиться - кто придет на помощь? А в «старческом доме» (так она называла дом престарелых) и умоют, и накормят, и переоденут. Опять же, люди кругом. Будет хоть с кем словом перемолвиться…

Четверо постояльцев уже сидели за круглым столом, уставившись друг на друга, пока медсестра расставляла еду. Лида отодвинула в сторону роллатор и уселась на уже привычное место.

Это была небольшая, уютно обставленная комната, увешанная картинками и побрякушками. В углу стоял резной шкаф со стеклянными дверцами, внутри - со вкусом подобранный блестящий фарфор. «Прямо как у нас в Казахстане», - мимоходом подумала она. В советские времена в каждом доме стоял такой вот нарядный шкаф-сервант, в котором хранились для каких-нибудь особых случаев самые красивые сервизы.

Всё здесь было устроено так, чтобы жильцы чувствовали себя, как дома. Но каждый из них был чужим. Чужим для таких же постояльцев и для тех, кто за ними ухаживал. Справедливости ради, надо сказать, что сотрудники очень старались. Казусы случались чуть ли не каждый день, а они по большей части на всё реагировали вежливо и терпеливо! Это так, но могут ли эти люди заменить родных? «Наверное нет», - ответила себе Лида и тяжело вздохнула.

Через открытую дверь было видно, как мимо по коридору провезли новенького. Он сидел, безучастно опустив на грудь голову и вцепившись белыми от напряжения пальцами в инвалидное кресло. Лиде подумалось, что она как нельзя лучше понимает, что он чувствует. Никто не приходит в дом престарелых с большими ожиданиями, но зато почти все приносят сюда свои страхи.

У Лиды тоже был свой страх. Это наверное тот же самый - страх одиночества. В последнее время он приходил к ней всё чаще по вечерам. Страх прокрадывался сквозь стены, когда в квартире замолкал телефон и выключался телевизор. Как осторожная кошка, мягкими, вкрадчивыми движениями заползал к ней на грудь, впиваясь цепкими когтями в кожу. Но больнее всего, казалось, он царапал ей мозг...Тогда она молилась, но «кошка» не отпускала… Она выпивала таблетку и ложилась спать, думая одну и ту же мысль: А вдруг я не проснусь?..

Рядом с Лидой сидела такая же пожилая женщина. Она была почти глухой. Ей кричали в самое ухо, чётко выговаривая слова, но она все равно резко вскидывала свою слишком большую на тонкой, морщинистой шее голову и громко, противным, скрипучим голосом переспрашивала: Ха-а?..

Мужчина с другой стороны, кажется, слышал хорошо. Но завести с ним разговор не было никакой возможности. Он только мычал в ответ что-то невнятное, а то вдруг, будто пробудившись, начинал сам задавать вопросы, тряся вилкой перед её лицом и нервно сжимая в другой руке бутерброд.

- Wer bist du? – спрашивал он каждый раз одно и то же, и его глаза наливались не то гневом, не то ужасом, так что от этого взгляда становилось не по себе.

Лида невольно отодвигалась.

На помощь приходила медсестра:

- Это фрау Зингер, она живет с нами. Вам положить еще сыра? - заботливо спрашивала она по-немецки, и ее голос действовал на него, как гипноз.

- Gut, - успокаивался сосед и снова погружался в себя, забыв про бутерброд на тарелке…

Женщине напротив было лет семьдесят. По представлению Лиды, которой летом исполнилось восемьдесят пять, она была еще молодая, но страдала какой-то загадочной болезнью, из-за которой почти всегда спала. Медсестра ставила перед ней тарелку и будила её, а она, встрепенувшись, торопливыми движениями принималась за еду, тщательно подбирая упавшие крошки, будто пыталась убежать от постоянно настигавшего её сна. И вправду, иногда она засыпала тут же, бессильно уронив из рук прибор. Тогда её снова трясли за плечо, и она начинала быстро моргать своими маленькими, запавшими внутрь глазами.

Лида снова перенеслась в прошлое.

***

Всю неделю, пока работали в поле, ютились в тесных деревянных вагончиках. Ели дружной гурьбой, шумели, смеялись. Никто и не думал унывать! Кто анекдот расскажет, кто песню затянет, кто за косу дёрнет. А косы тогда у Лиды были роскошные: русые, завивающиеся. Все девчата ей завидовали.

Здесь же, в настоящем, за большим столом, в светлом, ухоженном помещении редкие звуки казались приглушенными. Все втихомолку дожёвывали свои кусочки, чтобы скорее разойтись по комнатам.

Лида тоже вернулась и села на кровать. Закружилась голова. Да-а!.. Вот ведь, как все изменилось! Ещё лет десять назад она прошла бы по этому коридору к завтраку и обратно и не придала бы такой прогулке никакого значения. А сейчас ей на всё про всё понадобилось полтора часа! Она нажала на кнопку, чтобы вызвать медсестру.

Минут через пять в дверях появился высокий парень в белом кителе.

- Bist du Arzt? – спросила она без обиняков.

- Nein, - ответил он, - ich bin ein Pfleger, ich heiße Nicklas.

- Никлас, - повторила Лида и попросила у него таблетку.

Никлас вышел и почему-то долго не возвращался. Она лежала с закрытыми глазами и думала свою назойливую мысль: Доживет ли до весны?..

***

Воспоминания, бродили у неё в голове, вспыхивая, как молнии на чёрном от туч небе. Вот она, в ситцевом платье выходит замуж с венком на голове… А вот первый звонок, она отводит в школу

своих детей: сына и дочку. Всё лучше становилась жизнь! Больше надежды у них было, больше, чем у неё когда-то! И форму им купила в «Детском мире», и туфли лакированные, и портфели из кожзаменителя… А вот они большой семьей, уже с внуками, уезжают в Германию - девяностые годы. Словно резкая черта отделила ту, полную забот и тревог жизнь, от этой - тоже полную забот, но совсем других…

Никлас принёс таблетку. Она быстро запила её водой из стакана и снова упала на подушку…

***

В далёком детстве у Лиды был брат Василий. Он родился позже, от другого отца, когда мать вышла во второй раз замуж, не дождавшись мужа из трудармии.

Родного отца Лида помнила смутно. Он раза три приезжал домой погостить. Случалось это в конце зимы или весной, когда снег лежал грязными бесформенными пятнами по краям дорог и в оврагах, а кругом было сыро, и надо было переходить с валенок на кирзовые сапоги. Сидя на лавочке у окна, он подшивал прохудившиеся за зиму валенки, и когда заканчивал работу, гордо показывал её матери: «Гляди, Олька, как новенькие! И твои, и Лидкины подшил!»

Она запомнила его суровым и молчаливым. Но поздним вечером, когда зажигали керосиновую лампу, он садился поближе к печи на табуретку и, сминая в руках табачную самокрутку, тягучим сиплым голосом рассказывал о своём житье-бытье в трудармии, переходя на сдавленный шепот, будто боясь сказать лишнее.

Их, рабочих, было много, человек 100 в одном длинном бараке. Спали на нарах, иногда и по двое валетом, укрывались тряпьём, у кого что было. На некоторых нарах лежали набитые

соломой матрацы. Единственная печурка топилась только один раз на ночь. После трудового дня все они становились около неё в очереди, чтобы погреться и просушить обувь. А по утрам, случалось, конвоиры находили рабочих, ослабленных болезнями, плохой едой и изнурительной работой, уже мертвыми…

Через пару недель отец уезжал на поезде, взяв с собой котомку с пережаренной на сковородке мукой и табак. Муку добавлял в жиденький казённый суп, а табак выменивал на хлеб и другую еду.

Сгинул он как-то незаметно, просто не приехал больше... Мать не скоро получила официальную бумагу, после чего долго ходила с почерневшим от горя лицом и без конца вытирала слезы…

А ближе к весне появился дядя Миша. Совсем не похожий на отца: грузный, коренастый, с рокочущим голосом, он был говорливым и насмешливым. Сидя на табуретке, на том самом месте, рассказывал несуразные истории об односельчанах и сам смеялся больше других самодовольным смехом. Его усы, такие же шершавые и скользкие, как мох, что рос на камнях возле речки, то и дело дрожали, приподнимаясь над желтыми зубами, и Лида пугалась их.

Лет восемь ей уже было, когда родился Васька. Не в отца пошел: худощавый, белобрысый, с будто молящими о чём-то глазами. Лиде всегда казалось, что он своими глазами еду выпрашивает, а может так оно и было.

Года через два дядя Миша уехал. Не из здешних он был, из-под Караганды откуда-то; к своим подался и Ольгу с детьми с собой звал. Но не поехала она, никуда не хотела. На кого ей было бросить мать престарелую и младшую сестру Эльзу?

Работала много в поле, и дома. Подорвалась наверное… Стала чахнуть, да и слегла. Эльза приходила, кормила детей и наказывала ей всегда в тепле лежать.

Ну вот там, на лежанке и померла она, в феврале, в лютый мороз. Ваське тогда три годочка исполнилось…

***

Очнувшись, Лида поднялась с кровати. Голова больше не кружилась. Она подошла к окну и стала смотреть на улицу. С третьего этажа хорошо было видно вымощенную дорожку, проходящую через весь квартал. Одетый в чёрную штормовку мальчик, вёл на поводке большую собаку, а вернее сказать, это она вела его, всё время норовя утащить в сторону.

Лида усмехнулась.

Она надела стёганную куртку на кнопочках и тоже вышла прогуляться. Холодный порыв ветра дохнул ей в лицо и стал заползать под капюшон. Она съёжилась. Пронизывающий, знакомый, он опять шумел у неё в ушах, как тогда, в тот самый чёрный день её детства…

***

Через всё кладбище вела она братишку домой по замёрзшим колдобинам, размазывая по лицу слёзы и дрожа от холода в худом пальтишке. Васька послушно шёл рядом, то мелко перебирая короткими ножками, то широко переступая через сугробы и спотыкаясь о высокую сухую траву, кое-где выглядывавшую из-под снега. Он не плакал. Лиде казалось, что он не совсем понимает, что мама уже никогда не придёт, и что остались они вдвоём на всём белом свете...

Сначала жили у тёти Эльзы. Но её муж, кажется Степаном его звали, никак не хотел принимать чужих детей, всё корил её и ругал.

- Определить их куда-то надо, в детский дом сдать, что ли! Ну зачем они нам? У нас свои дети будут, уж постараемся! - говорил он то и дело, а Эльза плакала и всё вытирала слезы уголком выцветшего желтоватого платка.

И села она писать письмо. Адресовано оно было бабушке Полине, матери Лидиного отца. Писала она, что вот мол, беда какая, дети сиротами остались, может возьмёте? Знаю, что Ульянка у Вас живёт, так ведь и ей веселей будет с нашими Лидой да Васей. Приютите детишек, и Бог вас в беде не оставит. И подписалась по форме внизу: «С уважением, Эльза».

…Нерадостно было Полине читать такое послание. Сама уже в годах, а ещё внучку растит. Нюра, дочка (угораздило же её!) за чужими пятерыми детьми ухаживать пошла! А свою девочку у неё оставила.

- Мама, ну пусть Ульяна у Вас пока поживёт, - уговаривала она Полину, - тут в селе и школа есть, пускай ходит, учится!

Так и зажили одни вдвоём, всё веселей, чем одной куковать!..

Тогда Ульяне лет 13-14 было. Посадила её бабушка на поезд и строго наказала: ни с кем в разговоры не вступать, деньги, что на дорогу дала, никому не показывать, сидеть тихонько, пока до нужной станции не доедет. Там её встретят и куда надо привезут. Девочку Лиду с собой забрать сказала, а брата её - не нужно, пусть о нём его родня позаботится.

Всё так и получилось. Погостила Ульянка дня два у Эльзы со Степаном, а потом привезла Лиду одну к бабушке Полине. Подружку себе, правильнее сказать, привезла. В школу вместе стали ходить, секретами делиться...

До сих пор помнила Лида ту школу. И учительницу, которую полюбила, как родную, и песню, что пели хором каждое утро: «Сталин - наша слава боевая, Сталин - наша юность и полет. С песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет»…

Быстро привыкла Лида к новому месту. Но и грустила много. Часто вспоминала мать и отца родного, а о брате и думать без слёз не могла. Так и стоял он у неё перед глазами: чумазый, заплаканный, схвативший её за пальто маленькими кулачками. В самую душу смотрели его молящие глаза! Тётя Эльза держала его за плечи, старалась успокоить. Говорила, что Лида приедет за ним, что ей нужно закончить в школу…

Больше она его никогда не видела.

Однажды после обеда, когда Лида вернулась из школы, а Ульянка, что была постарше, ещё не пришла с работы, приехали к бабушке Полине двое из правления. Сухощавая женщина с тугой гулькой на голове и плотно сжатыми губами, и мужчина, одетый в серую рубашку и кепку, прикрывающую седую лохматую голову.

- Ребёнка надо бы в детдом, бабушка! - начала женщина назидательным тоном,- Вы уже не в силах содержать двух детей, у нас и предписание есть, вот посмотрите!

Она стала совать Полине под нос мятый листок:

- Нельзя вам малолетнюю девочку содержать, приедем мы за ней скоро, как только определимся с бумагами, сразу заберём и отвезём. Вам даже ни о чём беспокоиться не надо будет.

И зыркнула своими колючими глазами так, что Лиду обдало холодом.

- Бабушка Полина! Не отдавайте меня! – крикнула она и что было сил прижалась к её коленям…

***

Когда Лида вернулась в комнату, на часах было уже четыре. Вот уже скоро придут на ужин звать…

Вечернее время казалось самым томительным. Кто ж знал, что в «старческом доме» так тоскливо будет? Если бы ко всему можно было бы привыкнуть также легко, как раньше! Но нет! По любым пустякам сдавали нервы, тело слабело, голова кружилась. Она путалась в мыслях, забывала нужные мелочи. Делала над собой усилие, пытаясь думать, но беспомощно сдавалась, держа таблетку под языком.

И только когда открывала

молитвенник, казалось ей,

что она видит тропу. Ту самую

тропу, залитую божественным

сиянием, ту, что вела к безмятежности

и равновесию.

Перед сном она пела несколько песен.

И вера давала силу…

***

Бабушка Полина долго ругалась с уполномоченными из правления и даже грозила им кулаком, но увезти девочку не дала. Она нашла выход получше: отправила её к дочери Нюре.

Так вместо детдома Лида попала в большую семью.

У Нюры к тому времени родилось ещё двое своих детей - хлопот было невпроворот. Рано утром старшие уходили на

работу, младшие - в школу, в соседнее село. А после школы наставляла она их, чтоб по дому помогали.

- А ну-ка, Маруся, на речку - гусей пасти! А ты, Колька, чего расселся, иди отцу помогай, за сеном вместе поедете! Федя, ты - со мной на огород, а Катя будет маленьких нянчить, - так распределяла им Нюра обязанности.

И Лида не хотела оставаться в долгу. Она научилась шить. Сначала распарывала старую рубашку и по ней чертила мылом выкройку на новой материи. И у неё неплохо получалось, только ещё не могла планку с пуговицами приспособить. Но когда появились застёжки-молнии, дело по-настоящему стало спориться. Всем младшим нашила она сарафанчики и рубашки, а по вечерам помогала маме Нюре прясть и ткать половики из грубой шерсти...

***

Громкие голоса и детский смех вырвали её из плена воспоминаний и, открыв глаза, она снова оказалась в своей маленькой комнате в доме престарелых. Вместе с прохладным воздухом с улицы ввалились шумные гости. Пришёл сын со своими внуками…

Недолго побыли, может с полчаса, расспрашивали про всё, потом засобирались домой. Лида вышла в коридор, проводила их до лестницы и, мелко ступая, направилась к себе в комнату. Каждый шаг стоил усилий.

У общего стола в коридоре в инвалидной коляске кто-то сидел. Это был тот самый безучастно дремавший дед, которого привезли сегодня утром и определили в соседнее отделение. Она тоже остановилась передохнуть. Оторвала руки от роллатора, схватилась за стул и тяжко опустилась на него:

- Ой, Господи!

Дед повернул к ней голову.

- Давно тут? – глухо спросил он.

- О, а ты говоришь по-русски?

Во всём заведении не было русскоговорящих постояльцев, как ей сказали при заселении. А тут такой сюрприз!

- Я видела, тебя сегодня утром привезли. Меня Лида зовут, - представилась она простодушно.

- Лида? - мужчина замолчал и крепко зажмурился, подгоняя воспоминания, - Так звали мою сестру.

Он поглядел на нее мутными глазами, будто хотел о чем-то попросить:

- А я Василий.

Лида усмехнулась:

- Василием звали моего брата!

Взгляд упал на его руки, они мелко дрожали. Что-то знакомое, то самое, умоляющее всплыло в её памяти.

- Только я его уже очень давно не видела, - медленно добавила она и настороженно спросила:

- А ты с какого года?

***

…Он напряженно глотнул воздух. Две поперечные морщины стали такими глубокими и длинными, что норовили сойтись друг с другом где-то на переносице. Сухонькие угловатые пальцы оторвались от коляски и коснулись её руки. Он неотрывно смотрел на неё, пытаясь вспомнить лицо...

Неяркое вечернее солнце, залившее всё помещение мягким пурпуром, незаметно укатилось за верхушки деревьев и зданий. Чья-то заботливая рука зажгла электрический свет.

Он упал на бледные лица, разгладив на время следы забот и печалей. Весёлыми пятнами заиграли блики на ставших темными стёклах. Отражаясь многократно, блестели они в глазах жёлтыми огоньками.